

УДК 821.161.1—311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р15

Радзинский Эдвард Станиславович

Р15 Сталин. Жизнь и смерть / Радзинский Э.С. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 544 с. (Эдвард Радзинский. Лучшее)
ISBN 978-5-17-117989-2

«Горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! Ибо в один час пришел суд твой» (Отк. 18: 10). «Я первый и Я последний, и кроме меня нет Бога» (Ис. 44:6). Эти слова Святой Книги должен был хорошо знать ученик Духовной семинарии маленький Сосо Джугашвили, вошедший в мировую историю под именем Сталина. Одна из лучших книг Эдварда Радзинского о самом противоречивом герое мировой истории.

New York Times

**УДК 821.161.1—311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-117989-2

© Радзинский Э.С.
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Об этой книге я думал всю свою жизнь.
И о ней до самой своей смерти думал мой отец.
Отец умер в 1969 году, и тогда я начал писать эту книгу.
Я писал ее, окруженный тенью тех, кого видел в детстве.
Я включил в эту книгу и их рассказы о Сталине.
Рассказы, которые так любил пересказывать
мне отец с вечным рефреном:
— Может быть, ты когда-нибудь о нем напишешь.
ОТЦУ я посвящаю эту книгу

И дана была ему власть
над всяким коленом и народом,
и языком и племенем...
И говорил и действовал так,
чтобы убиваем был всякий,
кто не будет поклоняться образу зверя.

Отк. 13: 7–15

И один сильный Ангел взял камень,
подобный большому жернову,
и поверг в море, говоря:
с таким стремлением повержен будет
Вавилон, великий город,
и уже не будет его...
ибо... волшебством твоим
введены в заблуждение все народы.
И в нем найдена кровь пророков и святых
и всех убитых на земле.

Отк. 18: 21–24

ПРОЛОГ

ИМЯ

Каждый день самая большая в мире страна просыпалась с его именем на устах. Каждый день его имя звучало по радио, гремело в песнях, смотрело со страниц всех газет. Это имя, как величайшую награду, присваивали заводам, колхозам, улицам и городам. С его именем шли на смерть солдаты. Сталинград во время войны истек кровью, земля превратилась в коросту, начиненную снарядами, но город, носивший его имя, не был сдан врагу. Во время устроенных им политических процессов жертвы, умирая, славил его имя. И в лагерях, где миллионы загнанных за колючую проволоку поворачивали вспять реки, возводили города за Полярным кругом и гибли сотнями тысяч — они свершали все это под его портретами. Его статуи в граните и бронзе высились по необозримой стране.

Гигантская статуя Сталина стояла на Волго-Доне — очередном канале, построенном его заключенными.

Однажды смотритель, следивший за статуей, с ужасом обнаружил, что птицы во время сезонных перелетов полюбили отдыхать на голове статуи. Нетрудно представить, во что грозило обратиться лицо Вождя. Но птиц наказывать нельзя. А людей можно. И насмерть перепуганное руководство области нашло выход: сквозь гигантскую голову пропустили ток высокого напряжения. Теперь статуя стояла, окруженная ковром из мертвых птиц. Каждое утро смотритель закапывал птичьи трупы, и земля, удобренная ими, цвела. И статуя, очищенная от птичьего помета, глядела в волжские просторы на цветущие берега, удобренные уже телами человеческими — строителями великого канала...

Кем он был для нас?

Один из видных хозяйственников тех лет, Ю. Борисов, рассказывал уже в 60-х годах: «Вызывает меня товарищ Сталин. До этого мне не приходилось беседовать с ним. Ехал как в тумане. Ответ на его вопрос выпалил, глядя ему в глаза, стараясь не мигать. Мы все знали его фразу: «Глаза бегают — значит, на душе не чисто».

Выслушав ответ, он сказал: «Спасибо, товарищ». Когда я ощутил его рукопожатие, меня словно молния пронзила. Спрятал я руку за обшлаг пиджака, спустился в машину, домчался домой и, не отвечая на вопросы встревоженной жены, подошел к кровати, где спал мой маленький сын. Вытащил руку и простер над его головой, чтобы коснулось и его сталинское тепло».

Уинстон Черчилль вспоминал: «Сталин произвел на нас величайшее впечатление... Когда он входил в зал на Ялтинской конференции, все, словно по команде, вставали и — странное дело — держали почему-то руки по швам». Однажды он решил не вставать. Сталин вошел — «и будто потусторонняя сила подняла меня с места», — писал Черчилль.

Тепло отзывался о Сталине — об этом «добром дядюшке Джо» — и президент США Рузвельт.

В 1959 году, когда мир уже узнал о делах «доброго дядюшки Джо», Черчилль, выступая в палате общин в день 80-летия Сталина, сказал: «Большим счастьем было для России, что в годы тяжелейших испытаний страну возглавил гений и непоколебимый полководец Сталин».

Если бы знал Черчилль, что задумал «непоколебимый полководец» тогда — в марте 1953 года!

Но 1 марта 1953 года Сталин лежал на полу, пораженный ударом. В столице своей Империи, начиненной его славой, он, сделавший себя прижизненным божеством, много часов лежал беспомощный в пустой комнате...

Однако и теперь, по прошествии стольких лет, личность Сталина, мотивы его поступков и даже сама его смерть остаются столь же таинственными, как и тогда, в солнечный мартовский день 1953 года.

В своих мягких кавказских сапогах Сталин умело отошел в тень истории, чтобы сейчас вновь замаячил на горизонте грозный образ. И павшая величайшая Империя XX века все чаще вспоминает о своем создателе, и в облаке новых мифов возвращается в страну он — Хозяин, Отец и Учитель.

ТАЙНА

В непроницаемый мрак он сумел погрузить и свою жизнь, и всю историю страны. Бесперывно уничтожая своих соратников, он тотчас стирал всякий их след в истории. Он лично руководил постоянной и беспощадной чисткой архивов. Величайшей секретностью он окружил все, что хоть как-то касалось власти. Архивы он превратил в охраняемые крепости.

Но и теперь, получив доступ к этим прежде сверхсекретным документам, вы вновь окажетесь... перед тайной!

Он сумел предусмотреть и это.

Вот несколько выдержек из секретных протоколов заседаний Политбюро:

1920 год: «Решения Политбюро по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол».

1923 год: «Подтвердить прежнее решение Политбюро: в протоколы Политбюро ничего, кроме решений, записываться не должно».

1924 год: «Работу сотрудников Секретариата ЦК партии считать конспиративной партийной работой».

1927 год: «Принять меры по обеспечению максимальной конспиративности».

Тотальная секретность — традиция загадочного «Ордена Меченосцев», как назвал Коммунистическую партию ее вождь Сталин. Он сделал эту традицию абсолютной.

И, начиная рассказ о его жизни, мы вступаем в этот великий мрак. Еще учась в Историко-архивном институте, я знал об этом секретнейшем хранилище документов, которое мой учитель сравнивал с архивом Ватикана — по бесконечному богатству тайн.

Это был архив, существовавший при руководстве Коммунистической партии, при особом Секретном отделе. В нем хранились документы высших органов партии, управлявшей страной семь десятилетий, а также — личный архив Сталина. Это было справедливо, ибо к определенному времени и история партии, и история страны стали историей Сталина.

Этот архив и составил впоследствии основу Архива президента, сформированного при Горбачеве. Я получил уникальную возможность работать в этом хранилище.

В книгу также вошли документы из бывшего Центрального партийного архива — святая святых Коммунистической партии. В нем хранилась ее история — история подпольной группы революционеров, захватившей в 1917 году власть над шестой частью мира. «Совершенно секретно» — любимая пометка на документах архива.

Теперь Партархив стыдливо переименовал название и именуется Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Но для меня он навсегда останется Партийным архивом. Так я и буду называть его в книге. Желанный архив, в который я стремился так долго...

И конечно, я использовал бывшие секретные фонды Центрального государственного архива Октябрьской революции. И он после

крушения СССР сменил название на Государственный архив Российской Федерации, но и его в своем повествовании я именую по-прежнему. Архив Октябрьской революции — название, раскрывающее его суть. В нем — документы революции и знаменитых большевиков — погибших соратников Сталина, «Особые папки» Сталина — секретные отчеты Вождю...

Такова главная триада архивов, где я искал Сталина. Потаенного Сталина.

После интервью о том, что я пишу книгу о Сталине — первом революционном царе, — я начал получать множество писем. Забавно повторялась история с предыдущей книгой о царе последнем — Николае II.

В этих письмах нет сенсационных сведений, но они передают бесценные детали исчезнувшей эпохи.

Как правило, их писали старые люди, решившие поведать то, чему они были свидетелями.

Я благодарю добровольных моих помощников, жителей исчезнувшей Империи по имени СССР — еще одной погибшей русской Атлантиды.

ЗАГАДОЧНЫЕ ИСТОРИИ

Часто вспоминаю этот разговор. Случился он во второй половине 60-х годов. Я был молод, но был уже автором двух модных пьес. Именно тогда и познакомили меня с Еленой Сергеевной Булгаковой — вдовой самого мистического писателя сталинской эпохи. При жизни Сталина Булгаков прославился несколькими запрещенными пьесами и одной поставленной в знаменитом Государственном театре — «Дни Турбиных». Сталин любил ее какой-то странной любовью: он посетил этот спектакль бесчисленное количество раз...

В 60-е годы большинство произведений Булгакова было по-прежнему запрещено, а о жизни самого писателя рассказывалось множество фантастических историй. Меня интересовала одна: история его пьесы о Сталине. Именно об этом я и спросил у Елены Сергеевны. И тогда между нами состоялся разговор, показавшийся мне столь примечательным, что я записал его в дневнике.

— Я слышал, что Михаилу Афанасьевичу предложили написать пьесу о Сталине?

— Именно «предложили». К нам приехал директор Государственного театра. Он и предложил написать пьесу к юбилею Сталина.

Миша колебался, но потом согласился — у него было особое отношение к Сталину. Он написал интересную романтическую пьесу о Кобе... Вы, конечно, знаете — в юности Сталина называли Коба, это был его партийный псевдоним. Сначала все складывалось удачно — в театре пьесу приняли. Даже тогдашние чиновники, управлявшие культурой, были в восторге.

(Впоследствии я проверил рассказ Елены Сергеевны по ее опубликованному дневнику. Вот что там было написано: «11 июля Б[улгаков] читает пьесу в Комитете по делам искусств. Пьеса оч[ень] понравилась. Во время читки пьесы — сильнейшая гроза...»)

— Театр думал ее поставить к декабрю 1939 года — к шестидесятилетию героя, — продолжала она. — Но тут пьесу отослали Сталину, и он ее запретил. Вот, пожалуй, и вся история.

Если бы в ту пору я не был советским драматургом, я бы на этом закончил разговор. Но я им был. И оттого сразу понял чрезвычайную странность рассказанного.

Итак, 1939 год — сталинский террор. Вся страна объята страхом, любая идеологическая ошибка объявлялась вражеским актом. Кто же мог решиться заказать в такое время беспартийному Булгакову, автору нескольких запрещенных произведений, пьесу к юбилею самого Вождя? Да еще для Художественного театра — первого театра страны? Кто из тогдашних руководителей искусства посмел бы взять на себя такое? Естественно, никто, кроме... самого героя будущей пьесы — странного поклонника «Дней Турбиных». Конечно, заказчиком пьесы мог быть только он — Сталин.

И второй вопрос. Я драматург и хорошо знал постоянный страх чиновников. Даже в мое время — сравнительно безопасное — руководители культуры делали все, чтобы самим ничего не решать. А тогда, в страшном 1939 году... неужели эти умирившие от ужаса чиновники так осмелели, что решились сами восторженно принять пьесу о Сталине, написанную много раз «ошибавшимся» Булгаковым? Невероятно! Точнее, вероятно только в одном случае: если ее уже одобрил сам заказчик.

Но тогда почему он ее запретил?

Я продолжаю разговор с Еленой Сергеевной:

— Когда было обсуждение пьесы?

— Летом... это был июль.

— И когда ее запретили?

— В августе.

— И... что-то случилось между этими событиями?

Елена Сергеевна усмехнулась. Она читала мои мысли.

— Миша договорился с театром поехать в Грузию. Он хотел побеседовать с очевидцами событий, помнившими Кубу в юности. Их к тому времени немного осталось, все исчезли... Поехали: художник спектакля, режиссер, я и Миша... Он мечтал поработать в архивах.

— В архивах?!

— Ну да, он писал совершенно без документов. Когда он попросил театр помочь ознакомиться с данными о юности Сталина, ему ответили: никаких документов не существует. И он решил поискать сам. Мы отправились в полном комфорте, в международном вагоне. В купе устроили банкет, когда нас нагнала телеграмма: «Надобность в поездке отпала, возвращайтесь в Москву». В Москве Мише объявили: в секретариате Сталина прочли пьесу и сказали, что нельзя Сталина делать литературным героем и вкладывать ему в уста выдуманные слова. А сам Сталин будто бы сказал: «Все молодые люди одинаковы, зачем писать пьесу о молодом Сталине?»

Объяснение было очень странным: в те годы печатались произведения о молодом Сталине. Но они писались так же, как была написана эта пьеса — без документов. Авторы пользовались опубликованными сведениями о жизни великого революционера Кубы... Роковая ошибка Булгакова и была в том, что он захотел ознакомиться с документами, выйти за пределы этих сведений. Как только он попытался это сделать — все закончилось гибелью пьесы.

И я вспомнил... Детство, я сижу в своей комнате. В соседней комнате разговаривают мой отец и писатель Павленко — знаменитый писатель сталинской эпохи.

Несколько слов об отце.

Он был интеллигентом, помешанным на европейской демократии, часто цитировал мне слова чешского президента Масарика: «Что такое счастье? Это — иметь право выйти на главную площадь и заорать во все горло: «Господи, какое же дурное у нас правительство!»... Он был преуспевающим двадцативосьмилетним адвокатом, когда произошла Февральская революция в России и пала монархия. Отец восторженно приветствовал Временное правительство. Это была его революция, его правительство. Но несколько месяцев свободы быстро закончились, и к власти пришли большевики.

Почему он не уехал за границу — он, блестяще образованный, свободно говоривший на английском, немецком и французском? Обычная история: он любил Россию... В начале 20-х, пока еще

были остатки свободы, он редактировал одесский журнал «Шквал», писал сценарии первых советских фильмов, его близкими друзьями были Юрий Олеша, Виктор Шкловский и, наконец, Сергей Эйзенштейн...

После смерти отца в одной из книг я нашел чудом уцелевшее, заложенное между страниц книги письмо Эйзенштейна и несколько непристойных и великолепных рисунков великого режиссера — следы забав их молодости...

А потом наступила пора укрощения мысли. Но отец не роптал, он жил тихо, незаметно, точнее — существовал. Оставив журналистику, он писал инсценировки для театра, в том числе и по романам Петра Андреевича Павленко, автора сценариев двух знаменитых кинофильмов, где действовал сам Вождь: «Клятва» и «Падение Берлина».

Романы Павленко тоже были знамениты. Четырежды ему присваивали Сталинскую премию первой степени... Имя Павленко спасало отца, и хотя многие из его друзей исчезли в лагерях, отца не тронули. Согласно логике тех времен, арестовать его — означало бросить тень на Павленко.

Отец понимал: это может закончиться в любой момент. Он ждал и был готов к ужасному. Но несмотря на эту жизнь под топором, он всегда улыбался.

Его любимым героем был философ и скептик Бротто из романа Анатоля Франса «Боги жаждут». И как франсовский герой печально-насмешливо наблюдал ужасы Французской революции — с той же улыбкой отец наблюдал жизнь сталинской России.

Ирония и сострадание — таков был его девиз...

Я так и запомнил его с этой вечной улыбкой.

В тот день Павленко и отец обсуждали свои творческие планы. Сквозь плохо прикрытую дверь я услышал, как отец благодушно спросил Павленко:

— Почему бы вам не написать о юности Иосифа Виссарионовича? Об этом никто по-настоящему не написал. Вы долго жили на Кавказе...

Его прервал голос Павленко:

— Не следует описывать солнце, когда оно еще не взошло.

— Он оборвал меня так жестко, даже грубо — такого я никогда прежде от него не слышал, — сказал впоследствии отец.

Павленко не раз видел Вождя — он был вхож в таинственный круг, окружавший Богочеловека. Видимо, он знал, о чем говорил.

ИСЧЕЗНУВШИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович, родился 21 декабря (9 декабря по старому стилю) 1879 года. Эту дату вы найдете во многих энциклопедиях.

Фотокопия выписки из метрической книги Горийского Успенского собора о рождении Иосифа Джугашвили, хранящаяся в Центральном партархиве:

«1878 год. Родился 6 декабря, крестился 17-го, родители — жители города Гори крестьянин Виссарион Иванович Джугашвили и законная жена его Екатерина Георгиевна. Крестный отец — житель Гори крестьянин Цихитатришвили. Совершил таинство протоиерей Хахалов с причетником Квиникидзе».

Итак, он родился на целый год и три дня раньше официальной даты своего рождения, которую столько лет торжественно праздновала вся страна?! Столько лет отмечать ложную дату?!

Но это не ошибка. Здесь же, в архиве, находится свидетельство об окончании маленьким Иосифом Джугашвили Горийского духовного училища. И тоже: «Родился в шестой день месяца декабря 1878 года». Впрочем, сохранилась анкета, которую он сам заполнил в 1920 году. И там он собственноручно написал — 1878-й!

Да, официальная дата его рождения вымышлена! Но когда? Зачем?

На первый вопрос ответить просто: вымышленная дата рождения появляется сразу после официального возвышения Сталина.

В апреле 1922 года Ленин делает его Генеральным секретарем — главой партии. И уже в декабре секретарь Сталина Товстуха заполняет за него новую анкету, где проставляет измененный год его рождения — 1879-й. И новое число — 21 декабря. С тех пор наш герой избегает сам заполнять анкеты. За него их заполняют секретари. Они своей рукой ставят вымышленную дату. Он, как всегда, ни при чем. Ложная дата рождения становится официальной. И опять — зачем?

Передо мной — бумаги Товстухи. Он был доверенным лицом при Сталине до 1935 года, когда благополучно скончался. Точнее — успел благополучно скончаться...

Я просматриваю документы — все пытаюсь найти какой-то след. Никаких личных записей, никаких дневников не осталось после Товстухи. Впрочем, и те, кому он служил, поступали так же. Это принцип. Ни Сталин, ни Ленин, ни их сподвижники не вели дневников. Ничего личного — только дело пар-

тии. Этот полезный принцип помог им унести в могилу многие секреты.

В перерыве ко мне подходит старичок, один из партийных старичков, убивающих свой досуг в архиве. Он не представляется, и я не спрашиваю его, кто он. Мой опыт подсказывает: не будь любопытным, если хочешь получить интересные сведения.

— Я вижу, вы интересуетесь Товстухой? Мне пришлось с ним встречаться и даже работать... высокий был, худой — типичный интеллигент. Умер от туберкулеза, я навещал его в правительственном санатории «Сосны», где он умирал. Он просил меня играть на гитаре революционные песни времен его молодости. И плакал. Не хотел умирать... Сталин похоронил его в Кремлевской стене — оценил по заслугам. Товстуха был сталинским секретарем, но одновременно, что не менее важно, фактически руководил Партийным архивом. Он собрал все документы Ленина. Ими Сталин уничтожал потом своих противников. Один из секретарей Сталина, Бажанов, бежал за границу — он много написал о Товстухе в своей книге. Но важнейшей его заслуги Бажанов не понял... Это случилось, когда Сталин уже стал Хозяином. Тогда, в 1929 году, было решено всенародно справить его 50-летие. Товстуха начал забирать из всех архивов документы о Сталине — точнее, о его дореволюционной деятельности, для того чтобы написать полную биографию Сталина. Но никакой полной биографии не появилось. Гора родила мышшь: результатом стала ублюдочная «Краткая биография Сталина». Поняли?

— Значит, он собирал документы...

— Да, чтобы никогда не публиковать. Точнее, он изымал документы. Впрочем, думаю, это придумал не он. Все были слугами... все делали то, что хотел Хозяин. Полученные документы о Сталине Товстуха тотчас отсылал ему. И они часто не возвращались обратно. Это объяснялось скромностью: Вождь не любит лишних упоминаний о себе. Лишними считались документы о его жизни до Октября. Передавали знаменитую сталинскую фразу: «Я не сделал тогда ничего такого, по сравнению с другими революционерами, о чем стоило говорить».

Просматривая бумаги, я часто вспоминал старика. Вот переписка Товстухи с признанным историком партии Емельяном Ярославским. В 1935 году Ярославский надумал написать подробную биографию Вождя. Он пишет Товстухе о своем желании познакомиться с источниками о жизни Сталина до Октября и спрашивает: как относится Товстуха к его идее.

И вот ответ Товстухи: «Отношусь скептически... материалов для нее пока, как говорится, кот наплакал... Архивные источники бедны, ничего не дают».

Опытный Ярославский все понял и тотчас изменил задачу: написал сталинскую биографию... без новых документов.

Есть общеизвестная версия: причиной охлаждения Сталина к Горькому было упорное нежелание того написать биографию Вождя. Но из архива Товстухи следует иное. Видимо, Горький сам просил у него материалы для биографии Сталина, ибо Товстухе пришлось ответить: «Посылаю вам, хотя и с опозданием, некоторые материалы, касающиеся биографии Сталина. Как и предупреждал, материалы довольно скудны...»

Опоздание с ответом Горькому — великому пролетарскому писателю и по такому поводу — могло означать лишь одно: писать биографию не надо. И Горький похоронил эту идею.

Все эти истории свидетельствовали: Сталин не хотел вспоминать жизнь революционера Кобы. И, сделавшись Генсеком, он не только изменил дату своего рождения. Как мы увидим в дальнейшем, он изменил целый ряд дат и событий в жизни Кобы — будто хотел запутать будущих исследователей.

Но что же такое было в биографии Сосо и Кобы? Что внушало опасения Сталину?

Часть первая

**Сосо:
жизнь и смерть**